

В паросиловом цехе Алла Геннадьевна ШИШКИНА стала оператором теплового пульта после двух лет учебы без отрыва от производства.

Точка зрения

Насильно мил не будешь

В заметке «Не дай Бог...» в «ММ» от 14 мая некие Л. и З. Стаценко обвинили Бориса Николаевича Ельцина в том, что он будто бы «сделал все возможное, чтобы ввергнуть страну в забастовки, митинги, хаос». Как видите, все с необыкновенной легкостью поставлено с ног на голову. Авторам и невдомек, что Ельцин за всю страну не отвечает. Во главе страны вот уже седьмой год стоит М. С. Горбачев. Причем же тут Ельцин? Разве при том, что взяв на себя смелость и поехал к бастующим шахтерам. Все знают, после этой поездки угольщики прекратили стачку. Что ж тут плохого? Это же хорошо, что нашлась такой человек! До Ельцина к шахтерам никто не решался поехать, ни Горбачев, ни Павлов. А вот Б. Н. Ельцин не испугался, поехал и сделал то, что не смогла сделать вышестоящая власть.

Л. и З. Стаценко нимало не задумались над этим и набросились на Бориса Николаевича, обозвав его «перевертышем», «интриганом»

и т. д., причем, не приведя вообще никаких доказательств. Просто так, плюнули человеку в лицо. Почему бы не применить соответствующую статью российских законов против таких клеветников, как Л. и З. Стаценко. Но исполнять законы, видно, у нас некому. В этом вся беда.

«Ельцин рвется к власти», — пишут далее Л. и З. Стаценко, будто не зная, что он и так уже находится у руля более года. И, надо сказать, за это небольшое время многое сделал для блага народа. Ельцин сумел отстоять суверенитет России, сделал все, чтобы в будущем она не была дойной коровой, которую сосут все, кому не лень. Сколько миллиардов ушло из России в другие страны. Польша, Афганистан, Эфиопия, Куба. Всех и не перечислить! А попробуйте теперь вернуть эти миллиарды.

Кто же не помнит, как с позволения Н. И. Рыжкова отправляли за границу вместо металлолома боевые танки. Борис Ельцин одним из первых поднял голос против разбазаривания ресурсов страны. Но одному ему ничего не сделать, если мы не поможем, да еще, наполебие Стаценко, будем клеветать на него.

СЕМЬЯ ЛОЗНЕВЫХ,
ветераны труда.

По следам наших выступлений

С вами, солдатские матери

Дорогая редакция «ММ»! Прочитав публикацию Н. Барановой «За дело берутся матери» в номере за 6 июня, захотела внести свою лепту в дела ассоциации солдатских матерей.

В настоящее время я и являюсь таковой. Мой сын, Андрей Зоткин, в прошлом году закончил ПТУ № 13 и работал в третьем листопрокатном цехе. Я очень благодарна всему преподавательскому коллективу училища, но особо хочется мне отметить мастера Юрия Михайловича Киселева. Он много внимания уделял ребятам, и я говорю ему материнское спасибо.

Сын у меня хороший, и это не только мое мнение. Он не курит, не пьет, выдержан и спокоен. Работящий. 4 июня я провела его в армию, и коллектив ЛПЦ № 3 принял участие в проводах. Не могу не по-

благодарить за все мастера Виктора Ивановича Яценко.

Мы с сыном жили вдвоем. Когда ему было полтора года, умер его отец, бывший работник ГОП П. П. Зоткин. Воспитывать сына пришлось в одиночку. И работать. В этом году я ушла на пенсию, появилось время, и я очень хочу быть участницей в делах ассоциации солдатских матерей. Возможно, я смогу оказать посильную помощь в хлопотах этих женщин. Буду это делать с радостью.

Пока я не получила от Андрея письма. Открыткой он сообщил из Челябинска, что едет в сторону Самары. А так хочется написать ему все подробно о доме и поздравить его 30 июня с днем рождения.

С искренним уважением

В. ЗОТКИНА,

ПОКА ЖИВУ — ПОМНЮ

(Начало в № 70).

I. АРЕСТ

Дед удивился:

- Ты что, пить стал?
- Нет. Это я вам купил.
- По какому же случаю?
- Да просто так.

Когда дед опорожнил пару стаканчиков, я решил, что пора начинать разговор.

— Дедышка, я хочу жениться.

— Ты каким же это местом надумал такое? Армию не отслужил, братишек надо ставить на ноги — отца нет. Чтобы утихомирить деда, я налил ему водку. Он схватил стакан, опрокинул водку в рот:

— Сейчас я тебя женю!

Смотрю: тянется к плетке-треххвостке, которая всегда висела над входной дверью, как символ подчинения хозяину дома. Мне эта плетка и в детстве порядком надоела, но если в детстве дед меня плеткой просто гладил, то сейчас такого детину выпорот чувствительно. Я без особого труда мог отобрать ее, но по нашим неписаным законам не имел на это право.

Я выскочил из-за стола, схватил шапку, полушубок и — дай Бог ноги! — побежал к коню. Схватил коня за повод и перевел его на рысь. Отбежал метров 70, подтянул подпруги и прыгнул в седло. Обернулся: дед стоит возле дома. Я на прощание помахал ему рукой, а он погрозил мне плеткой.

Это была наша последняя встреча.

Повернул коня и покакал в Верхнеуральск. Дома сходил в баню, убрал коня и отправился в кинотеатр. В этот вечер я убедился, что сердце — вещун. Мне так стало плохо, как никогда раньше. Нет, физической боли я не чувствовал — это была непреодолимая, всеобъемлющая душевная боль. Мне казалось, что у меня плачет само сердце.

Извинился перед девушкой, объяснив свое состояние, хотя проводить ее осталось метров 100, и пошел домой. Ни до, ни после за всю мою жизнь такого состояния у меня не было. Подумалось, что украли коня. Нет, конь был дома. Напоил его, дал еще сена и уже спокойно лег спать.

Утром ко мне зашел Федя Скоков, друг юности, и мы с ним отправились на рынок. Без цели, просто так. Только завернули за угол улицы Красноармейской, как сзади крики:

— Стой! Кто из вас Каширин?

— Я Каширин. В чем дело?

— Вы арестованы. Пройдете к вам в дом.

Вернулись домой. Там были только братишки, мать ушла на рынок. Только вошли на кухню, милиционер бросился к моей койке и сорвал со стены мое ружье, конечно, незаряженное:

— Дайте сюда патроны.

Патронташ всегда у меня был закрыт под замком в одном из ящиков буфета. Я открыл ящик и выкинул ему патронташ.

— Дайте ваш паспорт.

Запоздало требую:

— Предъявите ордер на арест.

Он показал ордер, подписанный прокурором района, и я отдал свой паспорт.

— Сейчас идем в милицию. Вы впереди, мы — показываем на Федю, — сзади.

Таким порядком мы и пришли в милицию. День был воскресный, дежурный по отделу зарегистрировал мой арест и определил меня в одну из камер КПЗ. В ней находился вор-рецидивист из поселка Красинска. Познакомились. Когда он узнал мою фамилию и как я был арестован, махнул рукой.

— Считаю, с сегодняшнего дня твоя жизнь и копейки не стоит. Взяти тебя по 58-й статье, а эта статья самая паршивая из всего уголовного Кодекса. Так что хоть сейчас в петлю лезь, хоть чуть позднее. Есть один выход — уйти в воров. Отсидеть пару сроков по воровским делам, 58-я забудется. А после этого «завязать» с воровством. Но воровать начнешь — не остановишься, затянет.

— Ну, воровать-то, положим, я никогда не буду. Да и картину ты мне нарисовал, не пожалел мрачных красок.

— Чужак-человек, мне ведь все равно, поверишь ты мне сейчас или убедишься в правоте моих слов в будущем. Ты не знаешь о тюрьмах, пересылках, этапах. Не знаешь, чего стоит пайка хлеба. А я это все прошел и не один раз. Вот испытай все сам, и, думаю, вспомнишь и эту «капезуху», и мои слова.

— Ну, а ты за что сел?

— Мое дело — не твое. До «случая» ты еще не дорос, тебе можно кое-что и сказать. Осенью я обделал крупное дело там, в России, а чтоб «замести» след, намеренно нахулиганил в Красинске. Получу год-полтора ИТЛ или колонии. А там вновь — юг, вино, девочки...

— А когда кончатся деньги?

— Вор, Коля, живет одним днем и никогда не думает о будущем.

Я впервые слушал воровские песни и дивился красоте мелодии, созвучных со смыслом слов.

Вечером во время отправки я увидел, что в КПЗ сидят мои двоюродные братья Абросимовы. Михаил — учитель, вместе со мной окончил педкурсы, я два-три был у него дома, помогал ему по математике. Василий, двоюродный брат Михаила, года на два старше нас, тракторист. Дважды видел я его у Михаила и оба раза пьяным. Успел спросить, за что их взяли. Они ответили, что взяты в субботу, за что — не знают.

Ночью 18 января, в понедельник, меня привели к начальнику Верхнеуральского РО НКВД Жукову.

Внешность его соответствовала фамилии: он действи-

Николай КАШИРИН

тельно был до того черным, что чисто выбритое лицо отличало густой синевой. Говорили, что его взгляда не выдерживают, смущаются. Предложив мне сесть, он молча впился в меня своими черными глазами. Я принял вызов и спокойно стал смотреть на него. Я подумал, что преступники, может, и не выдерживают его взгляда, но ни в чем не повинный человек — выдержит.

— Ну, рассказывай, Каширин, какую контрреволюционную деятельность ведешь в Верхнеуральске?

— Об этом я хотел бы услышать от вас, товарищ начальник.

— Во-первых, забудь слово «товарищ», когда разговариваешь со мной или следователем, а во-вторых, — где твой отец?

— Об отце, я думаю, вы больше знаете, гражданин начальник.

— Значит, основательно «лег на дно»... Ты знаешь братьев Абросимовых?

Я рассказал, как я их знаю.

— Припомни все, что говорилось между вами.

Я ответил, что между нами ничего противоправного не было.

— А кто у вас организатор контрреволюционной группы?

— На подобные вопросы я отвечать не буду. Почему? На глупый вопрос всегда труднее ответить, тем более, что исходит он от начальника НКВД.

Мне думается, он поверил в мою непричастность к обвинению. Он рассказал, что раскрыты контрреволюционные группы в райкоме партии и райисполкоме:

— Я подключу тебя к одной из этих групп, ты пойдешь там маленьким человеком, получишь всего 5—6 лет лагерей. В противном случае я буду вынужден отправить тебя в область, а там на основании твоей фамилии орудуют такое дело, что у тебя глаза на лоб ползут. Все это я мог бы сделать здесь, но мне не хочется применять к тебе строгих мер. Подумай хорошо, завтра дашь ответ.

Еще два раза он вызывал меня по ночам, предлагая то же самое. Я категорически отказался: за что получить 5—6 лет лагерей?

Если бы я знал весь трагизм страны, находящейся в «сезонных» рукавицах опричников Сталина и что ждет меня в области, я, конечно, согласился бы.

2. СПЕЦКОРПУС № 1

На утро, после последней беседы с Жуковым, меня с братьями Абросимовыми доставили в область, в спецкорпус № 1, размещившийся в полуподвале областного управления НКВД. В камере сидели два секретаря райкомов партии, два инженера, председатель колхоза и старик-эсер, умный и, пожалуй, единственный правильно понявший сталинскую кампанию уничтожения лучших людей страны, — он сидел за время советской власти в четвертый раз.

Секретари с инженерами полемизировали, оценивая происходящее, мы с председателем не вмешивались в спор за недостаток образования, старичок-эсер молча улыбался.

Один из секретарей все доказывал, что это «переоценка ценностей»: «Член партии — ценность, чем больше он выдержит — тем ценнее для партии».

Когда этого секретаря избитого принесли на носилках и сбросили на койку, старик-эсер тихо сказал:

— Ну вот, одного и переоценили.

Когда избитых приносили в камеру, являлся тюремный врач, ощупывал руки, ноги, ребра, прудную клетку и голову — нет ли где перелома. Если находил — избитого увозили в тюремную больницу, если нет — уходил. Однажды мы попросили его привести в чувство одного из сокамерников, доставленных после допроса. Но врач сказал:

— Сам очухается.

На четвертый день меня вызвали к следователю. Он спросил фамилию, имя, отчество, знаю ли я, где находится отец, что говорил Иван Каширин, заезжавший проводить отца в поселок Наваринокий.

О чем мог говорить прославленный герой гражданской войны с 13-летним двоюродным племянником? Вопрос не такой уж и найвинный. Много позднее я узнал, что Иван Дмитриевич к тому времени еще не был расстрелян. Я понял, что этот вызов для следователя был предварительным знакомством с арестованными.

Недели две меня не вызывали. Потекли однообразные дни: то одного вызовут на допрос, то другого. Сидим, гадаем: своими ногами притопают или принесут на носилках.

На прогулку ходили по двору управления мимо приземистого каменного здания без окон. На черной двухстворчатой металлической двери белой масляной краской от руки было написано «Пересыльная тюрьма». Никто из сокамерников не встречал человека, побывавшего в этой тюрьме, сами мы тоже там не бывали. Решили, что здесь приводятся в исполнение приговоры о высшей мере наказания — расстрелы. И действительно, во второй половине ночи в камере были слышны глухие выстрелы. В точности нашего определения о назначении этого здания я убедился летом.

После обеда, где-то часа в три, открылось окошко в двери, и коридорный сказал:

— Приготовиться на прогулку.

Сам он обычно сопровождал нас сзади.

Мы вышли во двор: у этого здания стояла машина с опущенным боковым бортом. Из двери здания выкидывались вещи: пальто, пиджаки, шапки и даже брюки. На крюке борта висел белый разорванный мешочек, из него на землю высыпался сахар. Двое солдат кидали все это в машину. Один, видимо, старший, стоял рядом и, обернувшись к нам, закричал:

— Куда?! — И увидев коридорного: — Ты что, ослеп?

Коридорный поблдевел, обжег нас и стал заталкивать обратно в камеру. Через полчаса уже другой дежурный вывел нас на прогулку. Машины не было, дверь была закрыта, место, где стояла машина, чисто выметено...

(Продолжение следует)